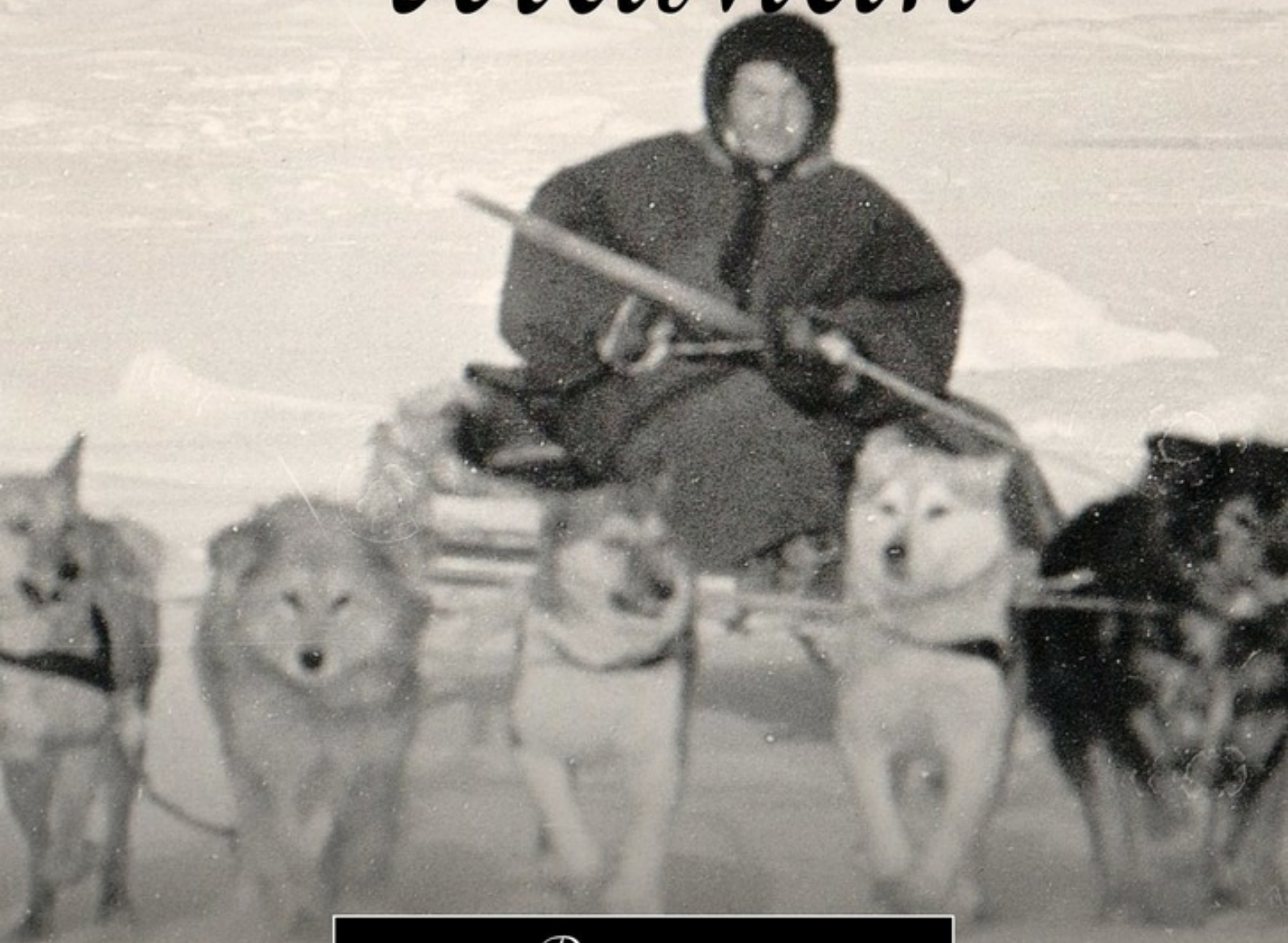

Анатолий Цыганов

Шаман

Рассказы

Анатолий Цыганов

Шаман. Рассказы

«Издательские решения»

Цыганов А.

Шаман. Рассказы / А. Цыганов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835934-7

Рассказы о геофизиках, о их полевой жизни, где неустроенный быт, юмор и тяжёлая работа сплелись в единое целое, где реальные события и мистика идут бок о бок. О любви и дружбе, о подлости и героизме.

ISBN 978-5-44-835934-7

© Цыганов А.
© Издательские решения

Содержание

За полярным кругом	6
Рыжий Мотя	6
Радист Митька	12
Басурман	17
«Студент»	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Шаман Рассказы Анатолий Цыганов

© Анатолий Цыганов, 2016

ISBN 978-5-4483-5934-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Цыганов Анатолий Фёдорович – родился 22 марта 1949 года в селе Сосновка Новосибирской области.

После завершения учёбы в Новосибирском геологоразведочном техникуме направлен работать в г. Воркуту. Работал в полевых партиях. Прошёл путь от техника до начальника партии. Окончил Ухтинский государственный университет по специальности «геофизика». С 1988 года живёт в г. Ухта.

Печатался в газетах Воркуты и Ухты, литературных альманахах «Полярный следопыт», «Белый бор» и др. Автор рассказов и повестей о полевой жизни геофизиков.

За полярным кругом

Рыжий Мотя

Рыжего Мотю я встретил в сберегательной кассе Посёлка. Была пятница. Мы с женой решили снять некоторую сумму и договорились встретиться после работы. Но она задерживалась, и я пристроился возле окна, посматривая на редких посетителей заведения. Возле кассира стоял жутко помятый бич с рыжей шевелюрой и пытался, сбиваясь и шепелявя, что-то объяснить молоденькой девушке, сидящей за прозрачным стеклом. Бича трясло крупной дрожью, вероятно, с глубокого похмелья. Но при этом он пытался выглядеть достойно, так как чуть поодаль стояли два его товарища, одетые так же, как и он, в весьма потрёпанные геологические робы.

Невольно прислушавшись к диалогу между бичом и кассиршей, я вдруг почувствовал что-то знакомое в его сбивчивой речи. Вроде я уже слышал этот голос в далёком детстве. Но тот голос принадлежал мальчишке гораздо моложе меня. А здесь стоял пожилой мужчина, я бы даже сказал – старик, с беззубым ртом.

– Девушка, ну посмотрите. Вы такая симпатичная! Есть мне перечисления? Ну посмотрите! Пестов я, Матвей, – канючил бич. При этом он не выговаривал звук «с» и заменял его на «ф». Вот в этом «пофмотрите» и «Пефтов» я и услышал что-то знакомое.

Девушка наконец снизошла до рыжего и, всем видом показывая своё превосходство, бросила:

– Как, говоришь, твоя фамилия?

– Пефтов я! М. П! – подпрыгнул бич. Кассирша порылась в карточках и громко провозгласила:

– Книжку и паспорт!

Бич засуетился, хлопая себя по карманам. Моргая рыжими ресницами, он оглянулся на своих товарищей, напряжённо застывших у дверей, и, облегчённо вздохнув, выудил из внутреннего кармана множество каких-то бумажек. Вывалив всё это на стол, он принялся складывать бумажки в две кучки. Товарищи решили помочь и сунулись было к рыжему, но он зашипел на непрошенных помощников, и те понуро отступили в свой угол.

Наконец, собрав обе кучки, которые оказались искомыми документами, бич протянул бумаги кассирше. Девушка брезгливо взяла грязные, засаленные листочки и протянула вместе с карточкой соседке:

– Зин, посмотри! На Пестова Матвея Прокопьевича есть зачисления?

Соседка так же брезгливо подцепила ногтями двух пальчиков то, что должно было называться паспортом и сберкнижкой и, что-то вписав в карточку, торжественно объявила:

– Три рубля восемнадцать копеек!

Все трое облегчённо вздохнули и тихонько зашушукались.

– Ну? Так что дальше? – прервала дискуссию кассирша.

Бич задвигал губами, поднял глаза к потолку, что-то про себя высчитывая, и не менее торжественно изрёк:

– Снимите мне два рубля сорок копеек!

Кассирша презрительно посмотрела на бича и качнула пышной причёской:

– Не могу. По закону на книжке должно остаться не менее одного рубля. Либо закрывайте счёт.

Бич ещё сильнее затрясся и умоляюще протянул:

– Не могу я закрыть счёт. Мне деньги на него перечисляют. Вы оставьте семьдесят восемь копеек, какая Вам разница.

– Гражданин! Не мешайте работать! – вдруг сорвалась кассирша, – Алкаши проклятые! Как будто я не знаю, для чего вам два сорок! Будете хулиганить, милицию вызову!

Бич схватил документы и выскочил на улицу. За ним, испуганно оглядываясь, засеменяли приятели. Несколько минут было тихо, и только временами раздавалось возмущённое фырканье кассирши. Но вот дверь открылась, и на пороге появился рыжий:

– Фнимайте два рубля вофемнадцать копеек, – примирительно прошамкал он. Кассирша протянула бичу кассовый ордер, и рыжий, потев от натуги, начал заполнять документ. Справившись с непосильной работой, рыжий протянул бумажку в окно. Кассирша фыркнула и вернула ордер назад:

– Подпись не такая. Распишитесь ещё раз.

Бич взял трясущимися руками ручку и принялся выводить каракули своей фамилии. Бумажка ещё трижды возвращалась в потные руки бедолаги. Рыжий стоял возле окошка, обливаясь потом, и дрожь сотрясала всё его тщедушное тело. Обречённо выводя непослушные буквы, он уже отчаялся получить свои кровные. Но вот процесс передачи наличности закончился, и бич засеменял к выходу.

Моя жена всё ещё задерживалась, и я вышел покурить. На крыльце стояли все три приятеля и пересчитывали мелочь. Видно, они наскребли нужную сумму, так как радостно загомонили и потянули рыжего к магазину. Бич сделал шаг и, внезапно обернувшись, остановился. Товарищи вопросительно затормозили:

– Ты чё? Погнали быстрее, а то магазин закроется!

Рыжий обвёл взглядом сберкассу:

– Ничё по пьянке не забыто? – смешно прошепелявил он и поспешил за товарищами.

Хорошо бы за хлебом, подумал я, но, вздохнув, отбросил от себя эту вздорную мысль. Для них сейчас бутылка «Агдама» была важнее даже чёрной икры. Подошла жена и срочно потащила меня в сберкассу. Я тут же забыл и о бичах, и об их заботах.

В понедельник позвонили из отдела кадров. Начальникам партий предлагались кандидатуры для работы в поле. Осень была в разгаре, и близилось начало сезона. Открыв дверь кабинета, я увидел Рыжего Мотю. Но это был уже не тот трясущийся бич из сберегательной кассы. Возле стола стоял опрятно одетый, усталый пожилой человек. Начальник отдела кадров представил его как классного тракториста с большим опытом работы.

– Вообще-то я уже встречал этого старика, – осторожно начал я предисловие своего отказа. Но смех начальника отдела кадров прервал мою едва начавшуюся тираду.

– Старика? Да он на пять лет моложе тебя.

– Гражданин начальник, возьми! Не пожалеешь, – зашепелявил Мотя.

И тут меня осенило:

– Слушай, брателло. Ты случайно не жил в Сосновке под Новосибирском?

– Ну, жил. А чё? Родился я там. Потом уехал с родителями на Сахалин.

– Соседей в Сосновке помнишь?

– Ну, помню. Дядя Федя. А чё?

– Да-а, видно маленькая у нас страна. Отец это мой, вот чё.

Мотя заморгал рыжими ресницами, не совсем понимая: радоваться ему встрече с земляком или ждать неприятности. Я же искренне обрадовался виду Моти, так как прошлая встреча оставила удручающий осадок. А память уже высветила яркий эпизод из жизни Моти.

Моте тогда было лет семь, и так же, как сейчас, у него не было зубов. Но тогда они должны были вырасти, а сейчас, видно, уже давно были утеряны. Был праздник Рождества. Официально Рождество не праздновалось, но детям не возбранялось ходить по дворам и колядовать, показывая свои таланты в песнях и плясках. При этом дети наряжались в разных животных

и смешно пародировали их повадки. А так как шить наряды было не из чего, то чаще всего это было подражание то ли животному, похожему на медведя, то ли чудищу неизвестной породы. Дети выворачивали наизнанку родительские шубы и дурным голосом изображали рёв зверя.

Вот в такой вечер, в канун Рождества, наша семья села ужинать. Мы не успели ещё взять ложки, как дверь распахнулась, и в дом ввалилось что-то лохматое, ревушее и дёргающее всеми четырьмя конечностями.

Ближе всех к двери сидела моя сестрёнка, которой и досталась полная порция дикого рёва и необузданной пляски. Она взвизгнула от страха, закатила глаза и, побледнев, стала сползать со стула.

Видя, что добром это не кончится, мой отец схватил топор и, ухватив за грудки артиста, угрожающе замахнулся на него:

– Зарублю гада!

Артист сам не на шутку испугался и, упав на спину, задрыгал ногами:

– Дядя Федя! Это я, Пефтов! Пефтов я, Мотя!

Подхватив полы шубы, Мотя пополз к порогу и, открыв лбом дверь, исчез в клубах морозного пара.

Пересказав эту историю начальнику отдела кадров, я спросил у Моти, помнит ли он этот эпизод.

– Не-а, – простодушно ответил он, хлопая рыжими ресницами. Но это было уже не важно. На работу я его взял. Мотя солидно протянул заявление и документы, не спеша просмотрел направление на медкомиссию, нахлобучил на рыжие лохмы драную шапку и, открыв дверь, внезапно обернулся:

– Ничё по пьянке не забыто? – произнёс он, оглядывая кабинет. Начальник отдела кадров свирепо повёл глазами, и Мотя бодренько юркнул за дверь.

Удивительно, но работал Мотя на совесть. Трактор содержал почти в идеальной чистоте, насколько возможно отмыть и отскоблить видавший все виды поломок старенький Т-100. Мотя исправно ходил в рейсы, был абсолютно безотказным и никогда не спорил по поводу начислений зарплаты. Зима набирала обороты, и так же стремительно раскручивался полевой сезон. Рейсовые трактора работали без отдыха. Поломки сыпались одна за другой. Наконец, от постоянной перегрузки трактора окончательно встали. Работал только движок Мотиного трактора, но один транспорт посылать в рейс было опасно, и я приказал Моте встать на прикол.

И тут начались мои мученья. На подбазу доставили груз, а в партии уже заканчивался уголь, на исходе было и дизтопливо. У меня же каждое утро начиналось с того, что, открыв глаза, я видел белёсые глаза Моти, который сидел напротив и молча хлопал своими рыжими ресницами.

– Мотя! – вскакивал я с постели, – пошёл вон! Ты меня зайкой сделаешь! Я же ясно тебе сказал: Выезд запрещаю! Ты русский язык понимаешь?

– Понимаю, – Мотя ещё быстрее хлопал ресницами.

– Так чего тебе надо ещё?

– Гражданин начальник, я за двое суток обернусь. Туда и обратно! На подбазе уже и ёмкость с солярой подготовили. Я по рации спрашивал.

– Слушай, Мотя, ты меня не доставай! А радисту я всыплю, за то, что он посторонних к себе пускает! Жди напарника!

Мотя тяжело вздыхал и, направляясь к двери, неизменно оглядывался:

– Ничё по пьянке не забыто?

Наконец, не выдержав поединка, я дал согласие на рейс. Была ясная погода, и по прогнозам метео-обстановка в районе Воркуты на ближайшее время не должна была меняться. Правда, от нас до города было около трёхсот километров, и реальность не всегда соответствовала метеопрогнозам. Но уж больно хотелось верить в хорошее. Солярка действительно была

уже на исходе, и надо было что-то предпринимать. Как я жалел потом, вспоминая эту минуту слабости! Но в тот момент я больше думал об угрозе остановки работ, а не о технике безопасности. Надо было видеть радостное лицо Моти. Как будто ему выдали не путевой лист на подбазу, а путёвку на курорт. Я взял с Моти клятвенное обещание: если что-то будет не так, он либо останется на подбазе, либо возвратится назад. Мотя молча кивал головой, но уже ничего не слышал. Махнув рукой, он зацепил пустую ёмкость за трактор и, уже оглядываясь, разинул рот, чтобы сказать неизменную фразу, но хор в несколько глоток толпившихся рядом механизаторов рявкнул, опередив его:

– Ничё по пьянке не забыто!

Мотя ощерился в беззубой улыбке и прыгнул в кабину трактора.

То, чего я боялся, случилось через сутки. К вечеру абсолютно чистое небо с огромной скоростью стало покрываться чёрными низкими тучами. Ветер стал усиливаться. Ещё час – и повалил снегопад. Пурга накинута на людей, забивая рот снегом и сшибая с ног. Я бросился на радиостанцию, надеясь связаться с подбазой. Но радист только развёл руками. В такую погоду ни одна частота не работала. Можно было только думать о благоразумии Моти и ждать, когда выдохнется пурга. Всю ночь я не спал. Сквозь вой ветра мерещился прерывистый звук трактора. Но, прислушавшись, я понимал, что это всего лишь самовнушение и монотонный звук дизеля электростанции. Утром небо внезапно посветлело, и ветер стал стихать. Я быстро оделся и побежал на радиостанцию. Ещё с порога я услышал позывные подбазы. Слава богу, связь была. Схватив трубку, я спросил, приехал ли Мотя. Радист ответил, что трактор час назад выехал с ёмкостью дизтоплива. Я облегчённо вздохнул. Значит, всё в порядке. Оставалось только ждать.

К вечеру похолодало. Ветер окончательно стих, и воздух сгустился до такой степени, что при дыхании царапал горло. Утром температура понизилась ещё. Трактора не было. К шести часам на термометр было страшно смотреть. Трубка, рассчитанная на минус пятьдесят, была пуста и пугающе прозрачна. Дальше уже было непонятно, сколько же на самом деле градусов.

Прошло больше суток, как трактор выехал с подбазы. Контрольное время прошло, и надо было выезжать на поиски. Растолкав водителя «газона», я приказал собираться. Водитель молча вышел разогревать вездеход, а я поплёлся на радиостанцию. Ещё раз убедившись, что трактор не возвращался, переполненные самыми мрачными предположениями, выехали мы на поиски. К счастью, вездеход катил по зимнику без особой натуги, и несколько часов пути не причинили особых проблем. Единственное, что пугало, это отсутствие следов трактора. Так, добравшись до подбазы, мы не встретили ни следов, ни тем более самого трактора. Откровенно говоря, я запаниковал. Не мог же он испариться в просторах тундры! Порассуждав с радистом подбазы о вариантах исчезновения трактора, я уже начал составлять радиogramму в экспедицию с просьбой выслать на поиски вертолёт. Как вдруг радиста осенило, что через подбазу проходит такой же зимник на глубокую буровую, и, возможно, из-за сильной позёмки Мотя свернул на эту дорогу.

Ухватившись за эту мысль, я выехал с подбазы. Километрах в двадцати я увидел какие-то вешки, ушедшие в сторону. Доехав до поворота, водитель указал на след. Так оно и было. Вешки, обозначающие направление на нашу базу, были надломлены ветром и хорошо просматривались, если ехать со стороны партии, а со стороны подбазы их совершенно не было видно. Зато хорошо просматривался поворот на буровую. Даже при небольшой позёмке можно было пропустить раздвоение дороги.

Не теряя времени, мы свернули на буровую. Через полчаса вдали завиднелась чёрная точка. Постепенно приближаясь, точка превращалась в чёрный круг и, наконец, стало отчётливо видно, что это десятикубовая ёмкость, а за ней выросла силуэт трактора. Даже издали было понятно, что двигатель у трактора не работает. Сердце у меня колотилось с огромной силой. Водитель заглушил вездеход, и мы бросились к трактору. Стёкла были покрыты тол-

стым слоем инея, и что происходило внутри, ни я, ни водитель не видели. Я дёрнул за ручку, но она не поддавалась. Тогда вдвоём, навалившись на дверцу, мы открыли кабину. Кабина была наполнена гарью и дымом. А посреди, как на троне, на прокопченном ведре восседал негр. Это был Мотя, чёрный от копоти, в прожженной телогрейке, обмотанный какими-то тряпками, но живой.

– Гражданин начальник! – завопил Мотя, – а я думал, мерещится уже вездеход! Я не виноват! Топливо перехватило! Движок нормальный! Вы не беспокойтесь, радиатор цел, я воду слил!

– Мотя! Слава богу! Живой! Ноги, руки не поморожены? – я схватил Мотю и втолкнул в вездеход.

– Да как же я? Да я же всё измажу копотью! – Мотя попытался сопротивляться. Но я прикрикнул, и Мотя плюхнулся на сиденье, при этом водитель шустро кинул под низ кусок брезента.

– Мотя, ты не поморозился? Ноги, руки чувствуешь? – я схватил его за ледяные пальцы, пытаюсь растереть рукавицей.

– Не-а, не поморозился, – простодушно ответил Мотя, улыбаясь беззубым ртом. – Жрать только хочется, и холодно.

Я открыл рюкзак, нашёл бутылку водки и плеснул в гранёный стакан, услужливо подставленный водителем. Вывернув перед Мотей всё, что было в рюкзаке, я вылез из вездехода осмотреть трактор и ёмкость, чтобы определиться в дальнейших действиях. Когда я вернулся, Мотя спал, а у водителя подозрительно замаслились глазки. Пустая бутылка валялась на полу вездехода.

– Я же за компанию! Да и нельзя ему много. А так, открытая – прокиснет, – начал оправдываться водитель, перехватив мой укоризненный взгляд. – А Мотя герой. Ты смотри, не растерялся. Всю обивку с сидений сжёг в соляре.

– Я возьму, гражданин начальник, – пробормотал герой, не поднимая головы.

– Да ладно, герои. Поехали на базу.

– Стой! – внезапно Мотя проснулся и завертел головой.

– Ты чё? – водитель от неожиданности заглушил двигатель.

Мотя обвёл кабину туманным взглядом и, заморгав чёрными от копоти ресницами, пробормотал:

– Ничё по пьянке не забыто?

Двое суток Мотя отсыпался. Народ, посещая героя, старался оставить что-нибудь вкусненькое. А так как на базе ничего, кроме шоколада «Сказки Пушкина», не было, то тумбочка возле Мотиной кровати была завалена сказочным шоколадом. На третий день, зайдя к Моте, чтобы сообщить, что его трактор притащили и можно приступать к работе, я увидел радостную Мотину физиономию. Затуманенный взгляд выдавал признак выпивки.

– Это ещё откуда? – грозно надвинулся я на Мотю.

Мотя миг посерьёзней и, заикаясь, признался, что выпросил у фельдшера спирт, якобы, для протирки ноги от обморожения.

Выслушав сбивчивый рассказ хитреца, я взял с него клятву, что никто не узнает об источнике спиртного. Ведь если механизаторы пронюхают, что за поломку спирт дают, весь зимник будет усыпан техникой. Мотя поклялся памятью родителей и сказал, что уже совершенно здоров.

Через неделю его трактор сиял, как пасхальное яичко. Как Мотя умудрился его отдраить при таких морозах, понять было невозможно. Но внутри было чисто, и новая обивка сидений сияла первозданной чистотой. Двигатель работал нормально, и Мотя ушёл в рейс со всеми успешными подремонтированными трактористами.

***

Прошло много лет. Постепенно забылись горести и мимолётные радости полевой жизни. Давно ушли за горизонт времени рискованные годы тяжёлой работы в Заполярье. Стали забываться имена и лица бывших соратников и друзей.

Я шёл по улице Большого города и наслаждался видом зеркальных витрин, красочных реклам и радостных лиц прохожих. Внезапно что-то знакомое мелькнуло возле подземного перехода. На ступеньках сидел седой старик с рыжей всклокоченной бородой. На груди у старика висела табличка: «ПАДАЙТЕ ПАГАРЕЛЬЦУ». Старик канючил, шамкая беззубым ртом:

– Подайте, граждане начальники. Не за себя прошу, за малых детушек.

В голове у меня вихрем закрутились воспоминания. Детство. Тундра. Мотя. Да, это точно был он! Я подскочил к старику и, не помня себя, принялся трясти его за плечи:

– Мотя! Как же так!? Мотя! Дружище! Ну как же так!? – кричал я, пытаюсь заглянуть ему в глаза.

– Проблемы? – раздался сзади меня начальственный голос. Я обернулся. Позади стояли два милиционера и, похлопывая дубинками, подозрительно осматривали меня.

– Да вот, земляка встретил, – сникшим голосом промямлил я.

– Что-то не очень он похож на Вашего земляка, – стражи порядка подозрительно оглядели меня, на всякий случай проверив документы. – С этими нищими поосторожней. Можно и сразу подхватить. Потом такому земляку сами не рады будете.

Стражи ещё что-то объясняли, но я не слушал. Я смотрел на Мотю, и на глаза наворачивались слёзы. Мотя стоял покорный, с отсутствующим взглядом и молча дожидался своей участи. Наконец, покончив со мной, милиционеры обратились к нищему:

– Ну что, дед? Собирай манатки. Сколько раз тебя предупреждали, что не положено здесь стоять? Дорогу знаешь? Пошли, дед.

Мотя засуетился, собирая мелочь, нахлобучил на седую голову грязную, с облезлым верхом, невысшимого фасона шапку и засеменял впереди милиционеров. Я смотрел им вслед, и жалость сжимала мне сердце, а мои губы непослушно твердили одну и ту же фразу:

– Как же так?.. Ну как же так?..

Внезапно Мотя остановился и, как будто что-то вспомнив, оглянулся.

– Что ещё? – грозно рявкнул один из милиционеров. Мотя заморгал рыжими ресницами, и до меня еле слышно донеслось:

– Ничё по пьянке не забыто?

2011год.

Радист Митька

База полевой партии утопала в снегу. Между балками виднелись тропинки, протоптанные множеством ног, да следы от полозьев самодельных салазок. Предписание о том, чтобы техника «не разъезжала по улицам» выполнялось неукоснительно. По одной из них пробирался радист Митька, зажимая под мышкой карту Советского Союза. Постучав в дверь, он ввалился в балок склада и громко поздоровался. Возле стола, с красующимися посередине магазинными весами, стоял завхоз, в меховой безрукавке и накинутом поверх синем халате. Увидев Митьку, хозяин балка приветливо махнул рукой.

Посетитель молча отодвинул весы и разложил на столе карту. Она заняла всю поверхность. Дальний Восток свисал с края столешницы, но он мало интересовал радиста. Завхоз не сопротивлялся, чуть отодвинувшись, чтобы не мешать действиям гостя. Карту Митька специально снял со стены своего балка, чтобы принести на склад завхозу, для солидности и аргументации предстоящей просьбы. Пальцем левой руки он стал водить по северу европейской части, правой придерживая карту за свисающий край. Завхоз усмехнулся и уселся в низкое кресло:

– И что ты мне хочешь сказать? – он скрипнул полуразвалившимся сиденьем и ещё раз снисходительно улыбнулся.

Митька занервничал и, заикаясь, произнёс:

– Смотри, где я только ни работал! В Мурманске, на сейнере; в Амдерме, с заготовителями; в Салехарде, в речном порту! Там меня каждая собака знает!

– Ну, – завхоз заинтересованно посмотрел на карту.

– Вот, я и говорю, Север я как свои пять пальцев знаю.

– И что из этого выходит?

– Я же тебе пытаюсь втолковать, что на Севере я, ни грамма.

– И что?

– Как что? Да не пью я на Севере. Как бы, сухой закон. А вот на юге... Вытрезвители мои. Меня там с распостёртыми руками встречали.

– Так уж и с распостёртыми?

– А как же, я же постоянный клиент был.

– Допустим, я это понял. Что же ты от меня хочешь?

– Дак, тут такое дело: Патриса Лумумбу десять лет как убили.

– Не понял. Тебе – то, что из этого?

– Да ты что? Весь мир скорбит.

– А тебе-то, какое дело?

– Ты что, Михалыч? Горе – то, какое. Весь мир, говорю, в трауре. Дай хоть бутылку. Надо бы помянуть, борец всё-таки.

– Борец, говоришь? А за что?

– Это самое, с Чомбе... За свободу.

– Свободу чего? – напирал завхоз.

– Как его, Конго вроде, – поник Митька. Он понял, что бутылки не видать, и наметившиеся поминки по поводу годовщины смерти африканского героя откладываются на неопределённое время.

– Знаешь что? Мотай ты отсюда! Борец за мир. Не пьёт он на Севере! А что ты у меня бутылку просишь? Срочно выпить захотелось? Ничего я тебе не дам, – поставил точку в затянувшейся дискуссии завхоз.

– Дак я же, это самое, не для пьянки, – вяло попытался продолжить Митька, но столкнувшись с суровым взглядом завхоза, быстро свернул карту и выскользнул за дверь. Шагая

между балками, он размышлял о несправедливости оценки патриотических порывов. Но каков завхоз, ему, видите ли, наплевать, что такой человек погиб. А вот когда Ленин умер – весь международный пролетариат был в трауре. А Лумумба погиб – вся земля, может, осиротела. А он: «Мотай»! Несознательная личность.

Войдя в балок, радист включил рацию, надел на голову наушники и с тоской взглянул на календарь. Скоро день рождения, а здесь никакой хитростью бутылку не выпросишь. Митька вышел на частоту экспедиции и назвал позывные. Экспедиционный радист тут же ответил и радостно сообщил, что Митьке дали неделю отгулов, завтра вылетает вертолёт, и ему на замену прилетит сменщик. Кроме того, закуплен банкет в виде нескольких бутылок, которые с нетерпением ожидают юбиляра в радиостанции экспедиции. У Митьки оттаяла душа от таких тёплых слов, и он стал готовиться к вылету.

Утром, выглянув в окно, радист с ужасом увидел, что верхушка антенны утопает в густом тумане. Это был первый и главный признак нелётной погоды. Выскочив из балка, Митька не почувствовал напора постоянно дующего ветра. От давящей тишины звенело в ушах. Надо же было случиться, что именно сегодня установилась тихая тёплая погода. Даже птицы от удивления затихли, и в давящей на барабанные перепонки тишине слышен был лай одуревших от тепла песцов. Из балка столовой высыпали сейсморабочие, и воздух наполнился смехом и криками. Глядя на весело гомонящих сейсмиков, садящихся в отъезжающие вездеходы, юбиляр с тоской думал о пропавшем юбилее, несостоявшемся банкете, о не дождавшихся бутылках, о насмешках судьбы, и к горлу подступала такая горькая обида на жизнь, что он закрыл глаза и, тихо подвывая, присел на полоз балка.

Минуты счастья были так близки. Митька ярко представил встречу с друзьями и чуть не забыл о начале радиосвязи. Лихорадочно вскочив с полоза, несостоявшийся пассажир вертолета влетел в балок., включил рацию и привычно выйдя в эфир, назвал позывной. Затем приготовился записывать. Сначала в наушниках слышалось слабое потрескивание помех, затем кто-то кашлянул, и раздался звон.

Митька прислушался, звон повторился. Радист не выдержал:

– «Руда», я – «Руда-4». Как меня слышишь? Приём.

Митька переключил рацию на приём и снова услышал в наушниках звон стекла и бульканье переливаемой жидкости. Наконец послышался голос радиста экспедиции:

– Митя, с днём рождения тебя. Мы все, твои друзья, сожалеем, что сегодня нелётная погода, и ты застрял в партии. Но мы решили, не пропадать же «водяре», и поздравляем тебя в эфире. А сейчас мы пьём за твоё здоровье!

Послышалось характерное бульканье и звон стекла. Это уже было слишком. Митькина душа не выдержала такого надругательства. Радист, зажав под мышкой микрофон, защёлкал многочисленными тумблерами, переключая рацию на передачу, и, не помня себя, завопил в эфир. Впопыхах Митька упустил из виду, что у радиста экспедиции рация тоже включена на передачу и соответственно он не слышит Митькиных воплей. Минут десять радисты полевых партий слушали, как одновременно шли два монолога в эфир. Радист экспедиции скрупулёзно выкладывал, как его друзья любят Митьку, как они пьют за его здоровье, как чокаются и закусывают, сопровождая звуковыми эффектами. А одновременно с ним бедный юбиляр, сорванным голосом кричал, что он не позволяет пить, что он всё равно скоро приедет и разгонит всю эту весёлую компанию, посмевшую праздновать без него. Наконец, оба радиста замолчали и переключили рации на приём.

И тогда раздался голос начальника связи. Как на грех, начальник только что получил новое оборудование и решил опробовать его на рабочих частотах. Он аккуратно назвал позывные экспедиции и Митькины. Оба радиста одновременно ответили. Тогда руководитель сообщил, что для них имеется радиограмма. Радисты принялись записывать. В радиограмме говорилось, что за срыв очередного сеанса связи и засорение эфира, а так же пьянку на рабочем

месте, обоим радистам объявляется строгий выговор, и, соответственно, оба лишаются квартальной премии. Митька было возмутился, что он-то не пил, но начальник прояснил, что он ещё легко отделался. Тогда радист тоскливо спросил, что же ему теперь – оставаться? На что ему был дан ответ, что отгулы запланированы, и к выговору не имеют отношения.

На следующий день Митька, злой как чёрт, вылетел в город. Благо была лётная погода, и вертолёт прилетел вовремя. Из аэропорта он сразу помчался на радиостанцию с целью «выбить последние зубы этому гаду», но после бурного выяснения отношения оба радиста пошли домой в обнимку.

Через день Митька снова пришёл на радиостанцию. В это время в помещении радиостанции шла перепалка между радистом и секретарём парторганизации. Секретарь принёс ведомость, собирая деньги в Фонд Мира. Радист вяло отшучивался, говорил, что пока нет денег. В это время зашёл Митька. Тот быстро определил выгоду и написал заявление на передачу в Фонд Мира половины квартальной премии, а дату он, с разрешения секретаря, поставил недельной давности. Смекнув, что к чему, то же самое написал и радист экспедиции. Получилось, вроде как ещё в поле было подготовлено заявление, а из-за нелётной погоды передано только сейчас. Обрадованный секретарь помчался с докладом в райком партии. Через некоторое время оттуда прислали инструктора. Обоих приятелей пригласили в кабинет руководителя экспедиции, где уже сидел начальник связи. Инструктор райкома долго тряс им руки, выражая восхищение патриотическим порывом. Когда он, наконец, замолчал, начальник связи хмуро заметил, что ещё два дня назад оба радиста были лишены этой премии. Инструктор посмотрел на дату заявления и, побледнев, заговорил, нажимая на каждое слово:

– Вы что, товарищи?! Это же политическое дело! Здесь – почин! Бумага уже в Москву ушла! Это не шутка, товарищи! Немедленно отмените приказ! Тем более, как Вы объясните наверху свой поступок?! В райкоме уже решено инициативу обсудить на ремонтном заводе! Завтра статья выйдет в газете! С этим не шутят, товарищи!

Инструктор ещё раз пожал руки всем присутствующим и отбыл в райком. Ругаясь про себя, начальник связи пошёл отменять приказ, а друзья отправились обмывать спасённую половину премии. На следующий день они с гордостью демонстрировали статью в газете под заголовком «Патриотическая инициатива». В статье говорилось, что работники экспедиции выдвинули инициативу: «часть квартальной премии перечислить в Фонд Мира». «Патриотический почин подхватили все предприятия города», – писала газета

Правда, их воодушевление несколько поостыло после того, как кто-то пригрозил, что за такую инициативу «в интеллигентной среде морду бьют».

Дни отгулов пролетели в пьяном угаре. На пятый день Митька проснулся оттого, что кто-то тряс его за плечо, спрашивая, осталось ли что-нибудь «на похмельку». Голова слабо соображала, и он потянулся за костюмом. Но костюма не было, и Митька вспомнил, что продал его какому-то прохиндею, оставшись в спортивном. Наскребли на бутылку, и, «поправив» голову, Митька отправился в контору экспедиции. Там он узнал, что вертолёт заказан на завтра, и ему надо вылетать в партию. С тем радист и отправился в общежитие. До утра он продолжал праздновать: кто-то приносил водку, кто-то – закуску. Постоянно сменяясь, приходили какие-то люди, и было весело. Утром, чуть свет, Митьку растолкали, сунули под нос стакан чаю и полупьяного отправили вахтовкой в аэропорт.

Уже в вертолёте Митьку начало трясти. Руки ходили ходуном, было муторно и противно. Хотелось пить, и гудела голова. Из вертолёта он вышел, пошатываясь. Вылетающий назад сменщик что-то хотел сказать, но, видя Митькино состояние, махнул рукой и полез в вертолёт. Лопасты медленно раскрутились, и машина вскоре скрылась за горизонтом.

Еле живой радист добрался до балка радиостанции. Через минуту зашёл механик с радиограммой. Митька включил рацию и попытался передать текст, но в ответ услышал только шум помех. Сквозь шум прорывались невнятные слова, разобрать которые было невоз-

можно. Слышался только чёткий писк «морзянки». Взяв телеграфный ключ, он с ужасом понял, что не может работать, руки тряслись и вместо азбуки Морзе выбивали что-то невообразимое. Митька поставил телеграфный ключ на пол, разулся и попытался вести передачу голый ногой, но получался только прерывистый писк. Радист от напряжения покрылся потом, а механик, глядя на тщетные потуги бедолаги осуществить распроклятую радиосвязь, начал так хохотать, что из глаз брызнули слезы, и напала длительная икота. Наконец, закончив икать, он спросил:

- Ты мне скажи, где на радиста выучился?
- Это самое, в армии, – еле слышно ответил Митька, обувая сапог.
- И что вы в армии делали, когда связи не было?
- Там проще. Пакет в зубы и вперёд.
- Дать бы тебе в зубы, и по тундре, с голым задом.
- Почему с голым? – возмутился радист.
- Чтобы быстрее бежалось, – механик вышел, с силой хлопнув дверью. Через минуту он вернулся:
- Собирайся. Всё равно от тебя здесь толку нет.
- Куда?
- Поможешь на переправе. Лёд ненадёжный. А тут трактора из рейса возвращаются.
- Какой из меня помощник? Руки вон трясутся.
- Ничего, справишься. Троса надо на другую сторону реки перекинуть, а у меня людей не хватает.

Митька надел телогрейку, натянул на голову шапку, захватил ватные рукавицы и поплёлся за механиком на берег реки. На берегу уже стоял тягач АТС, и два человека сматывали с его лебёдки тонкий трос. Митька взялся за петлю на конце троса, но кто-то из рабочих перехватил, оттолкнув радиста плечом. Митька не сопротивлялся. Его мutilо.

На другой стороне реки показался тягач. Рабочие накинули петлю на передний крюк, и тягач медленно двинулся на лёд. АТС начал наматывать трос на лебёдку, и все отошли в сторону. Внезапно раздался треск, зад тягача просел, и петля соскользнула с крюка. Тягач всё больше погружался под лёд, гусеницы бешено вращались, а в кабине бился водитель, пытаясь открыть дверцу. «Дверь заклинило!» – ахнул механик. Вокруг тягача образовалась полынья, в которой плавали льдины. Все, кто был на берегу, оцепенели. В тишине слышно было, как пытается открыть дверцу водитель тягача. Машина всё больше проседала. Видно было, как вода заполняла кабину, подбираясь к голове водителя.

Внезапно Митька кинулся к тягачу. Перепрыгивая с одной льдины на другую, он добрался до петли. Кругом что-то кричали, размахивая руками, рабочие, ревел двигатель тягача, скрежетал ломающийся лёд, и стоял невообразимый шум. В последний момент радист накинул трос на крюк, и тот скрылся под водой. «Наматывай!» – крикнул механик водителю АТСа. Он видел, как Митька бежит по льду и уже протягивал ему руку. Как вдруг льдина обломилась, и Митька с головой ушёл под воду. Через мгновение он показался на поверхности, пытаясь зацепиться за край льдины. С берега на помощь бежали люди с досками и палками. Механик упал на живот и стянув с шеи длинный шарф, кинул Митьке один конец, крепко зажав другой конец в руке. Ухватившись за шарф, тот по уже брошенным доскам выбрался на крепкий лёд.

Митька не слышал, что ему кричали рабочие. Он не видел, как АТС, медленно наматывая трос, вытаскивал тягач с полузахлебнувшимся водителем, не чувствовал чужих рук, стаскивающих с него одежду. Митька потерял сознание.

Очнулся он уже в постели. Возле кровати хлопотал фельдшер, усиленно натирая Митькино тело спиртом. Радист застонал и попытался пошевелиться.

– Лежи, герой, – фельдшер поставил флакон со спиртом на тумбочку. – Ничего, через пару дней поправишься. Твоему крестнику уже совсем хорошо. А ты, брат, спать горазд. Сутки храпел. Мы уж волноваться начали. Я с городом связывался. Да там посоветовали тебя не трогать, а то я хотел санборт вызывать. Ты лежи, сил набирайся.

Фельдшер вышел, а Митька, скосив глаза, увидел на соседней кровати вездеходчика. Тот знаками показывал на флакон. Но тут вернулся фельдшер:

– Забыл спирт. Здесь опасно оставлять – быстро стащат. Скоро от посетителей отбою не будет. Завхоз приходил. Вот, вам по апельсину передал.

– Спасибо, доктор, – состроил кислую гримасу вездеходчик. – А нельзя ли обменять эти два прекрасных апельсина на один невзрачный флакон, который Вы забрали с тумбочки.

– Нельзя. Апельсины завезли на склад, а флакон один. И для вашего скорейшего выздоровления более полезными будут всё-таки цитрусовые.

– Доктор. А для «сугреву»? – водитель потёр ладонью впалую грудь.

– Для «сугреву» пейте чай, – фельдшер ушёл, а водитель обиженно отвернулся к стене, притворившись, что заснул.

Митька лежал с открытыми глазами и думал. Мысли перелетали с одного эпизода на другой, мешались и цеплялись друг за друга. Эта мешанина проваливалась куда-то и, снова закручиваясь в причудливый клубок, впивалась в мозг.

Водитель, не поворачиваясь, проворчал:

– Надо было сразу хватать.

– Что? – не понял Митька.

– Да флакон этот, с тумбочки, – сосед повернулся и приподнялся на локте.

– Какой флакон? – переспросил Митька.

– Да со спиртом.

– Слушай. У тебя есть другая тема, кроме выпивки? – Митька вдруг разозлился.

– Мить, ты чего? – удивился тот.

– Пошёл ты! Надоело!

– Слово нельзя сказать, нервные все стали, – вездеходчик отвернулся и затих.

К Митьке снова вернулись невесёлые мысли. Он лежал и размышлял. И чем больше задумывался, тем сильнее в нём закипала непонятная злость. Дался ему этот флакон. Слушать противно.

Вечером зашёл механик. Сообщив, что с тягачом всё в порядке и завтра уже можно ехать, он спросил:

– Митя, ты почему к тягачу бросился?

– Дурак потому что, – ответил тот, усмехнувшись.

– Нет, не дурак. Я вот не смог, а ты смог.

– Да уж..., – Митька закрыл глаза и надолго замолчал...

Фамилия Митьки была Савин. И исполнилось ему двадцать пять лет. А пить он бросил. Не насовсем конечно. А так, на время.

2011 год

Басурман

Рустам Тимергалиев умирал. Приговор врачей был окончательным и коротким. Рак поджелудочной железы. Высохшее тело уже не слушало слабых потуг волевого воздействия ещё теплившейся мысли. Любая попытка пошевелить пальцами ног или рук вызывала острую боль во всём теле.

Рустам открыл тяжёлые веки и обвёл мутным взглядом больничную палату. Пять соседних кроватей были пусты. «Не сезон», – невесело усмехнулся он. Глаза устали, и Рустам перевёл взгляд на потолок. От стены до стены тянулась глубокая грязная трещина. Вдоль трещины неторопливо ползла большая жирная муха. Доковыляв до стены, муха повернула назад и продолжила своё путешествие. «Надо же, – подумал Рустам. – Уже сколько дней она путешествует, и ни разу не видал, чтобы эта тварь куда-то летала. Чем же она питается? И не надоест ей ползать туда-сюда?»

В углу кто-то кашлянул. Рустам скосил глаза и растянул бескровные, с синим отливом губы в подобие улыбки. На грязно-зелёном больничном табурете, едва касаясь сиденья, сгорбившись, сидел его давний кореш, Васька Огороков.

– Привет, – едва слышно произнёс больной.

Васька радостно шмыгнул носом:

– Здорово, Рустам. Я тут к тебе в гости. Врачи не пускают. Говорю – брат я ему, а они не верят. Посмотри, мол, на себя и на него. Попробуй с ними поспорь. Ну, ничего, я через подвал. Говорят, там покойников возят. Жуть. Страху натерпелся.

Рустам слабо улыбнулся. Зная Васькину паническую боязнь покойников, он понял, какие усилия пришлось затратить другу, чтобы оказаться рядом. Рустам попытался приподняться, но силы его оставили и гримаса боли исказила лицо. Рустам закрыл глаза и откинулся на подушку.

– Слышь, Рустам. Ты живой? – донёсся до него испуганный Васькин голос.

– Живой я, живой. Только, что ты заладил: Рустам, Рустам. Басурман я, или забыл?

– Ладно тебе. Какой ты теперь Басурман. Вот выздоровеешь, тогда и будешь Басурманом.

Рустам едва шевельнул рукой, пытаясь отмахнуться:

– Всё, Вася. Кранты. Умираю я. Видал, вся рука исколота. Сестра морфий вводит, а это уже конец.

Рустам замолчал и уставился в потолок. Васька, пытаясь успокоить друга, бодро приподнялся на стуле:

– Брось ты, брат. Сейчас все болезни лечат. И у нас от них есть два лекарства. Водка с солью и водка с перцем. Тебе как? Можно?

– Мне сейчас, брат, всё можно. Давай своё зелье.

Васька, оглянувшись с опаской на дверь, вытащил из-за пазухи пол-литра, широким жестом поставил бутылку на тумбочку и полез в объёмный пакет. Выудив из пакета два стакана, кусок колбасы и полбулки чёрного хлеба, расставил закуску вокруг бутылки и вопросительно посмотрел на Рустама.

– Начисляй, – Рустам потянулся исхудавшей рукой за стаканом. Васька разлил водку, скорее порезал колбасу и протянул стакан другу. Больной залпом осушил стакан и не почувствовал знакомого жжения в желудке. Приятель протянул кусок колбасы, но Рустам только слабо махнул рукой. Помолчали.

– Слышь, Василий. А я ведь последний, – еле шевеля бескровными губами, произнёс умирающий.

– Где последний? – вздрогнул Огороков.

– Аверина помнишь?

У Васьки похолодела спина. Колбаса вдруг пошла не в то горло, и он, поперхнувшись, закашлял. Сколько лет уже прошло, а надо же, вспомнил.

***

Полевой сезон закончился. На базе оставались только ремонтная бригада да заядлые рыбаки, изъявившие желание провести отпуск на таёжных озёрах.

Весеннее солнце светило круглые сутки, и отличить день от ночи можно было только по активности пуночек, большими стаями пролетающих над балками. По базе бродили разжиревшие от безделья собаки и гонялись за не в меру размножившимися леммингами. Летние звуки наводили тоску на оставшихся бичей, и те беспрестанно бегали на радиостанцию узнавать, будет ли сегодня борт или вертолёт прилетит не скоро.

Вертолёт прилетел под вечер. Загруженный под завязку буровыми шнеками, Ми-4 отрыгнул из своего чрева только одного пассажира. Сторож склада взрывчатых материалов, Аверин, возвращался из отгулов. Полтора месяца околачиваясь в посёлке, Аверин просадил все деньги, заработанные за сезон, и остатка хватило только на шесть бутылок водки, которые он бережно вёз в рюкзаке, чтобы угостить на базе корешей.

Тяжёлой походкой уставшего от жизни человека Аверин прошагал в сторожку, стоявшую на отшибе, в полукилометре от базы партии. Склад взрывчатки сейчас пустовал, и сторожку надо было закрыть, но у начальника партии до неё ещё не дошли руки, что было очень удобно ушлым бичам. Собираясь в сторожке, подальше от глаз начальства, они потихоньку ставили брагу и гнали самогон. На этот раз сторожка была пуста. У бичей кончились дрожжи, да и сахар был на исходе.

Аверин растопил печь, смахнул пыль со стола и, почувствовав живительное тепло, исходящее от печки, довольно потёр руки. Была весна, солнце заметно разогревало стены балка, но к вечеру холодало. Присев на табурет, сторож, поморщившись, потёр верх живота. Что-то трудно стало дышать. Вроде как желудок схватило. Надо бы здоровье поправить. Вот и кореша потихоньку собрались. Матвиенко притащил сига. Паша Бояринцев – две булки хлеба. Васька Окорочков – чай и сахар. Тимергалиев – два стакана и банку капусты. Рогозин ничего не принёс, еле дошёл сам, у него болела нога, и это его оправдывало.

За разговором быстро оприходовали всю наличность. Обсуждать боевые действия стало невмоготу из-за тяжести мозгового кровообращения. Языки начали заплетаться, глаза потускнели, и соратники незаметно попадали кто куда. Ночью Васька проснулся. Голова трещала, и саднила неудобно подвёрнутая рука. Все спали. Аверин лежал на полу, откинув неестественно голову. Васька растопил печь, поставил чайник и разбудил Матвиенко. От прилива тепла зашевелились остальные. Кряхтя и поеживаясь собрались вокруг стола.

– Вась, разбуди Аверина. Пусть хоть чайку попьёт, вон, как разоспался, даже с кровати свалился. Матвиенко потянулся за чайником. Окорочков нехотя наклонился к Аверину и дёрнул его за ухо.

– Мужики, а он ведь холодный, – Васька побледнел и дрожащими руками достал сигареты.

– Погоди ты курить. – Матвиенко обвёл всех испуганным взглядом.

– Басурман, – обратился он к Тимергалиеву. – Ты с ним оставался. Что у вас произошло?

Тимергалиев вскочил:

– Ну и что из этого? Как чуть, так сразу – Басурман. Мы ещё посидели, он говорит, мол, что-то желудок побаливает, пойду, прилягу. Я ещё посидел минут пять и тоже отвалился. А у вас сразу – Басурман. Нашли крайнего.

– Ты не кипятись. Примчится милиция – что-то же надо будет говорить. А то припишут групповуху и загремим на полную катушку. Надо бы хоть прибрать.

Приятели принялись сгребать остатки пиршества. Окорочков схватил веник и начал сметать мусор к выходу. Дойдя до двери, он смёл мусор за порог и, внезапно отбросив веник,

опрометью помчался в сторону базы. Заметив бегство товарища, вся компания кинулась за ним. Отбежав метров двести, Васька внезапно обернулся и, скорчив гримасу ужаса, показал на балок. Все остановились и с содроганием посмотрели туда, куда указывал Васька, но в ту же минуту услышали его нервный смех. Не дожидаясь мести товарищей, Васька помчался дальше.

Прибежав на базу, компания принялась обсуждать создавшееся положение. Время ещё четыре часа, надо подождать хотя бы до шести и доложить начальству. Жребий докладывавать выпал О कोरोкову. Мужики вразной давали советы, как подготовить начальника к такой неприятной новости. О कोरोков вяло отмахнулся – сам как-нибудь выкручусь. В шесть Васька поплёлся сдаваться. Постучав в дверь и, не услышав ответа, перешагнул порог. Начальник партии приоткрыл глаза и увидел раннего гостя.

– Ты что притащился в такую рань?

Васька чуть помялся:

– Да неприятность.

– Вася, какая может быть неприятность в шесть часов утра после сезона? – начальник с хрустом потянулся.

– В общем так, малость.

– Не тяни ты kota за хвост. Говори конкретно, – начальник уже окончательно проснулся.

– Аверин помер, – выдавил из себя Васька.

Начальник подпрыгнул на кровати и, не попадая ногой в сапог, метнулся к двери. Васька потащился за ним. Осмотрев место действия и собрав все матерные выражения, которые знал, начальник отправился на радиостанцию. Необходимо было доложить в экспедицию и как-то вывезти труп. Связавшись с диспетчером сан авиации, он попросил борт. Вежливый голос поинтересовался симптомами болезни. Услышав, что симптомов нет, а есть в наличии труп, голос ответил, что они трупы не вывозят и посоветовал обратиться в милицию.

В милиции поинтересовались, своей смертью помер или где? Услышав, что своей, послали чуть дальше и бросили трубку. В экспедиции разговор слышали и только посочувствовали. Положение было, хуже некуда. Собрав всех богов и маленьких боженят в одну кучу, начальник, в нарушение всех инструкций, вышел на волну переговоров вертолётчиков. На его счастье как раз в сторону базы летел знакомый пилот.

– Володя, – взмолился несчастный. – Выручай. Ты же на обратном пути как раз над Ватьяром будешь. Захвати у нас срочный груз.

Пилот согласился, и через полчаса вертолёт завис над базой. Завернув труп в два одеяла, бичи скоренько поковыляли к вертолётной площадке. Выскочив из кабины, пилот замахал руками:

– Вы с ума сошли. Мне из-за вашего «жмура» проходу не дадут. Труповозом назовут, и не отмоешься.

Начальник партии чуть ли не на коленях уговорил лётчика забрать труп. Только обещанье банкета в виде коньяка и «малосолки», а также то, что сразу к борту подкатит машина и никто не увидит, что было в вертолёте, подействовало на несговорчивого лётчика. Пилот махнул рукой и угрюмо залез в кабину. Начальник партии скромно примостился в салоне. Вертолёт взлетел.

В аэропорту, пока останавливались лопасти, к вертолёту подбежал техник. Удивлённо уставившись на свёрток, присвистнул: «Жмурика привезли.» Володя схватился за голову, но техник уже полез под брюхо вертолёта. Пилот облегчённо вздохнул, с укором посмотрел на начальника партии который уже руководил погрузкой и быстренько слинял из аэропорта.

Начались хлопоты с похоронами. У Аверина за душой не было ни гроша, и родственников тоже не обнаружилось. А надо было и заплатить в морге, и купить хоть какой-то костюм. Вся эта кутерьма занимала и время, и нервы, и деньги. Начальник чертыхался на эти сложности,

возникшие из-за неумеренной пьянки злополучного бича, и с облегчением вздохнул, когда всё закончилось.

Вернувшись на базу в мрачном расположении духа, он подошёл к ожидавшим в курилке бичам. Те сидели на чурбаках, поставленных на «попа», за неимением табуреток и нервно курили, молча переглядываясь друг с другом. Начальник вошёл и свирепо оглядел собравшихся:

– Аверин умер от сердечной недостаточности. Пил много.

Бичи зашевелились.

– Так вот, – начальник обвёл всех тяжёлым взглядом. – Если вы, сволочи, не бросите свою связь с этим проклятым зельем, быстро загноётесь. Друг за другом. Сначала ты, – палец начальника упёрся в Бояринцева.

– Потом ты, – он указал на Матвиенко

– Ты, – палец остановился на Рогозине. – И... – рука дрогнула, протянувшись вначале к Окорокору. От этого движения у Васьки похолодела спина, но палец ушёл дальше и упёрся в Тимергалиева.

– Ты.

Начальник вышел, громко хлопнув дверью. Бичи нервно засмеялись. Вот учудил начальник, очередность установил.

Лето быстро пролетело. К осени стали возвращаться отпускники. Сезон уже был на носу, и оставленных на летний период рабочих спешно отправляли в отпуска. Паша Бояринцев улетел к родственникам и при бурной встрече с роднёй отравился самогоном.

Получив телеграмму о кончине бедолаги, начальник зачитал текст всем присутствующим и, собрав деньги в помощь родственникам, послал перевод. В тот же день внезапно занемог Матвиенко. Держась за сердце, он лежал на кровати, хватая ртом воздух. Вызванный из Воркуты санборт срочно доставил его в реанимацию. Через два дня Матвиенко умер.

Бичи насторожились и стали с подозрением поглядывать на Рогозина. Рогозин ходил петухом по базе и, посмеиваясь, сообщал всем, что его обухом не перешибёшь. Действительно, здоровью Рогозина можно было позавидовать. Работая в топо-отряде, он ежедневно проходил десятки километров, не уставая и не снижая темпа.

Все постепенно успокоились, и Рогозин, отработав сезон, выехал в Воркуту на отгулы. Дня через три его соседка по квартире позвонила в экспедицию и попросила угомонить разбушевавшегося соседа. Целый день он кричал как недорезанный. Зам начальника партии поехал на квартиру Рогозина. На стук никто не отвечал. Вызвав участкового, вскрыли дверь. Рогозин лежал на полу среди пустых бутылок и уже не дышал. Рядом валялась бутылка с какой-то мутной жидкостью. Понюхав горлышко, замнач понял, что Рогозин проглотил соляную кислоту и от ожога пищевода скончался. Видно от боли он и кричал, но сил подняться и хотя бы доползти до двери уже не было.

Весть о кончине очередника быстро разнеслась по посёлку. Напуганный этими необъяснимыми случаями, бедный Басурман бросил пить и замкнулся. Бичи от него шарахались, как от живого покойника. Только со своим другом Васькой он мог вести задушевные разговоры. Но время шло, и постепенно из людской памяти стёрлись и фамилии несчастных, и сами случаи. Жизнь продолжалась.

...Всё это происходило лет пять-шесть назад, и вдруг Басурман почувствовал себя неважно. Обратившись в поликлинику, он получил направление на обследование у онколога. Но было уже поздно. И вот теперь вспомнил ужасное предсказание.

Как получилось, что всё произошло в той последовательности, как сказал начальник партии в порыве гнева? Случайность или какое-то предначертанье? Кому дано предсказать будущее? Видно, из каких-то закоулков высшего разума проникло это в единый миг и, заглушив здравый смысл, выплеснулось наружу. И уже не убежать от судьбы, не спрятаться и не скрыться.

***

Заросшую могилку с покосившимся железным памятником Васька нашёл сразу. На краю кладбища больше захоронений не было. Васька вырвал заросшую возле оградки крапиву, пошатал из стороны в сторону, выправил памятник, пинком послал за оградку ржавую консервную банку и присел на невысокий холмик. Осеннее солнце стояло довольно высоко. Было даже жарковато, хотя лёгкий северный ветерок холодными порывами напоминал о близком конце короткого северного лета.

Васька снял куртку, поставил на неё сумку, хотел уже вытащить содержимое, но раздумал. Приподнявшись, он стал вглядываться вдаль. Внизу лежали развалины посёлка. Давно уже ликвидировали экспедицию, жители посёлка разъехались по разным местам. И только заросшее кладбище напоминало о бурном прошлом посёлка геологов. Далеко внизу неторопливо текла река. Над ней, нависая многоэтажьем домов, жил своей жизнью заполярный город. А здесь было тихо и тоскливо. Даже не было слышно такого знакомого щебета птиц. Огороков вновь присел на разостланную куртку, вытащил бутылку водки, стакан и два куска колбасы. Разложив всё это на холмике, тяжело вздохнул.

Открыл бутылку. Небрежным движением плеснул водку в стакан, выпил, не морщась, заел не спеша колбасой и вновь наполнил освободившуюся тару. Вздохнув ещё раз, Васька поставил стакан возле памятника и накрыл его оставшимся куском колбасы. Вылив остатки на холмик, он без размаха запустил бутылку в ближайшие кусты. Внезапно из кустов с громким хлопанием вылетела большая птица и с негодующим клёкотом пронеслась над головой. Это был единственный звук, нарушивший давящую тишину.

Немного подумав, Васька подошёл к памятнику и, вытащив носовой платок, принялся оттирать еле заметную надпись. Надпись гласила: «Здесь покоится Тимергалиев Рустам Нургалиевич» Даты рождения и смерти прочесть не было возможности, так как какие-то хулиганы на этом месте синей краской вывели: «басурман». Васька усмехнулся: «Надо же, хотели надругаться, а попали в точку». Он вспомнил, что видел банку из-под краски по дороге на кладбище. Сходя за банкой, он скovyрнул крышку, на дне ещё оставалась краска. Васька, оглядевшись, подобрал небольшую щепку, размешал краску и принялся обводить надпись на памятнике, затем снизу добавил ещё несколько слов и, отойдя на два шага, удовлетворённо хмыкнул. Получилось совсем даже неплохо. На этот раз вся надпись выглядела так: «Здесь покоится Тимергалиев Рустам Нургалиевич, по прозвищу Басурман, последний бич посёлка Рудник». Краска ещё оставалась, и Огороков написал: «Пусть земля ему будет пухом». Теперь, кажется, всё. Васька забросил банку в кусты, и звук разбитого стекла указал, что она нашла там брошенную накануне бутылку.

Огороков ещё раз оглядел могилку, похлопал себя по карманам в поисках сигарет, но, вспомнив, что в очередной раз бросил курить, махнул рукой и, не оглядываясь, зашагал прочь.

2001 год.

«Студент»

В середине сезона в сейсморпацию прислали молодого специалиста. Долговязого, не по годам лысеющего парня тут же окрестили «студентом прохладной жизни». В балке, где было постоянно накурено и довольно-таки жарко от постоянно горящей печки, он вежливо просил немного приоткрыть входную дверь. Когда у него спрашивали, на сколько приоткрыть? Он уточнял: «Градусов на пятнадцать». Вежливость молодого специалиста шокировала выдавших виды пропитых и промороженных бичей. Поэтому вначале гордые сыны подворотен пытались игнорировать приказы новоявленного начальника и запанибратски называли его Сашкой. Но у бывшего студента оказалась сибирская закваска, и он быстро заставил с уважением называть себя Александром Ильичом. «Буду не в обиде, если назовёте по-простому – Ильич» – смеясь, представился он. Уважительному отношению невольно поспособствовал любитель приколов Генка Гуков.

Дело было так. На базе партии заканчивался уголь, топить печи было нечем, а высланные за углём трактора ещё были в пути или всё ещё загружались. Уголь летом доставили пароходом на побережье, выгрузили на причале, и приходилось вручную загружать промороженные глыбы в коробки на полозьях, которые таскали тяжёлые болотоходы. На рейс уходило два – три дня, что вполне хватало на возобновление запаса топлива. Но весенняя пурга выбила график отопительного сезона, и печи уже были на подсосе. Начальник партии принял решение остановить работу сейсмоотряда, и отправить людей вездеходом за углём. Старшим назначил молодого специалиста.

Бичи бодро побросали в кузов мешки и лопаты, расселись по боковым лавкам и дружно закурили. Генка пристроился возле лобового окна и принялся с интересом глядываться в дорогу. Путь был долгим, дорога – однообразной, тундра – однотонно-серо-голубой. В общем, тоска и ничего интересного. Но зато не видно осточертевшие, обветренные, как и у него самого, хари бичей. Колея то ясно обозначалась в небольших выбоинах, то исчезала на продуваемых всеми ветрами почти лысых буграх. Иногда след колеи надолго исчезал, и водитель мог ориентироваться только по воткнутым по бокам красным вешкам. Вездеход неторопливо урчал, переваливая через бесконечные бугры, и однообразный звук навевал дремотное состояние. Бичи потолковали о том о сём и, тихо посапывая, закивали дружно бедовыми головами. У Генки слипались глаза, но привычка всё вокруг подмечать не давала бывшему топографу предаваться дремотным мыслям.

Смеркалось. Серая тундра быстро поглотила короткий полярный день. Наступила ночь. Темнота по обочинам освещённой мощными фарами дороги казалась твёрдой стеной. Из колеи, недовольно фыркая и хлопая крыльями, выскакивали сонные куропатки. Промелькнули низкорослые кусты карликовых берёз, и колея пошла по голой тундре. Внезапно вездеход остановился. Задремавшие от монотонного гула и тепла бичи испуганно встрепенулись и вопросительно посмотрели на Генку. Гуков сам немного придремал и упустил из поля зрения бегущую навстречу колею однообразной дороги. Всмотревшись в узкое окошко, Генка, наконец, еле различил в самом конце желтоватого света фар два огонька и силуэт белого зверька. Песец. Зверь стоял неподвижно и лишь иногда, как загипнотизированный, чуть покачивался из стороны в сторону. Сквозь стекло было видно, как водитель передаёт Сашке ружьё и патроны. Бичи задёрнули Генку за рукав телогрейки: «Что там?» Генка сам с интересом всматривался в запотевшее стекло и вяло отпихивался: «Да пошли вы». Водитель слегка подал вездеход вперёд, а Сашка, приоткрыв дверцу и тщательно прицелившись, нажал на курок. Раздался оглушительный выстрел, и песец упал. Охотники подъехали ближе и нерешительно остановились. Бичи задёрнули Генку сильнее: «Ну, что там? Попал или нет?» Генка и сам не мог понять и неопределённо пожал плечами.

А в кабине в это время происходил такой же неопределённый диалог:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.